

ДУХОВНЫЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ

Блаженный
АВГУСТИН

НАЧАЛО
ПОКАЯНИЯ

По творениям
блаженного Августина,
епископа Иппонийского

НАЧАЛО ПОКАЯНИЯ

Православное братство
святого апостола Иоанна Богослова
Москва • 2013

УДК 276
ББК 86.372
А18

ИС 13-220-1739

**Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви**

Начало покаяния. По творениям блаженного
А18 Августина, епископа Иппонийского. – М.:
Православное братство святого апостола
Иоанна Богослова, 2013. – 64 с. – (Серия
«Духовная библиотека»).

УДК 276
ББК 86.372

ISBN 978-5-89424-113-5

© Издательство «Братство святого
апостола Иоанна Богослова».
Макет, оформление, 2013

Блаженный Августин, епископ Иппонийский

Жизнь этого Отца Церкви очень поучительна и плодотворна, притом что она хорошо известна: часть сведений о блаженном Августине содержится в его автобиографической «Исповеди». Родился он в 354 году в Северной Африке; его мать Моника, ревностная христианка, долгие годы скорбела о сыне и молилась о его обращении ко Христу. И было о чём скорбеть: в юности Августин, как и многие его сверстники из обеспеченных семей, вёл греховный образ жиз-

ни, особенно после переезда в Карфаген, куда он отправился для получения образования.

Межу тем, обладая прекрасной памятью и быстрым умом, он легко овладел всеми светскими науками, доступными в то время. Будучи честолюбивым, он стремился к научной карьере и двадцати с небольшим лет уже стал профессором риторики. В 383 году он отправился из Африки в Рим, а в следующем — в Милан (Медиолан), где рассчитывал не только продолжить преподавание искусства красноречия, но и со временем стать губернатором...

Епископом Милана тогда был святитель Амвросий Медиоланский, блистательный проповедник, привлёкший к вере множество народа. Августин, присутствовавший на многих его проповедях, не стал исключением: образ жизни, который он вёл, и состояние собственной души уже тяготили его, он давно уже искал Истину — сначала в философии, затем

в секте манихеев, но ничто не могло удовлетворить его пытливый ум.

И только христианство, благодаря проповедям святителя Амвросия и чтению Посланий святого апостола Павла, легло Августину на сердце и вдохновило его вести целомудренную жизнь, произведя разительную перемену в его образе мыслей.

Накануне Святой Пасхи, в Великую Субботу 387 года тридцатитрёхлетний Августин принял от святителя Амвросия крещение, после чего возвратился в Африку, предварительно распродав своё имущество и раздав почти все деньги бедным, и принял монашеский постриг.

Проведя три года в уединении, в 391 году Августин был рукоположён в сан священника, начал активно проповедовать и в 395 году был посвящён в епископа Иппонийской кафедры.

Руководя епархией, блаженный Августин написал множество богословских, философских и литератур-

ных трудов, сотни проповедей и писем. Его произведение «Исповедь», совмещающее в себе искреннее покаянное обращение к Богу и беспощадно честный рассказ о собственных страстях, написано несколько непривычным для сегодняшнего читателя витийственным слогом — но эта трудность легко преодолевается после нескольких страниц внимательного чтения. «Исповедь», пожалуй, самая известная, самая читаемая книга блаженного Августина, в которой он, рассказывая о своей жизни, со свойственной ему убедительностью раскрывает учение Церкви о Боге и человеке.

Его проповедь, как и проповедь его наставника, святителя Амвросия, привела и приводит к истинному, православному христианству прежде всего людей вдумчивых, способных к трезвой, критической самооценке и к работе над собственной душой.

В 426 году в возрасте семидесяти двух лет блаженный Августин ушёл на покой, оставив епископское слу-

жение, но продолжая проповедь, борьбу с ересями и литературно-богословские труды, общее число которых превышает тысячу.

Привыкнув с молодых лет критически относиться к себе, он до самой кончины пересматривал всё написанное, исправлял недочёты и просил своих читателей: «Пусть все те, кто будет читать этот труд, подражают мне не в моих ошибках». Так блаженный Августин заботился о том, чтобы его сочинения были понятны. «Пусть лучше, — говорил он, — порицают нас грамматики, чем не понимает народ».

Скончался блаженный Августин 28 августа 430 года при большом стечении учеников.

Память его совершается 15/28 июня.

ПОГИБЕЛЬ ДУШИ БЕЗ БОГА

Причиной моей испорченности была только моя испорченность. Она была гадка, и я любил её; я любил погибель; я любил падение своё; не то, что побуждало меня к падению, — само своё падение любил я, гнусная душа моя, скатившаяся из крепости Твоей в погибель, не путём порока ищущая желанного, но ищущая самого порока...

ГРЕХОПАДЕНИЕ

Мы ни в коем случае не должны сомневаться, что причина добра, нас касающегося, лежит только в благодати Божией, а зла — в воле изменчивого добра, отступающей от добра неизменного, сначала в воле Ангела, а потом и человека.

Это есть первое зло разумного творения, то есть первый недостаток добра; потом уже и помимо воли человека незаметно подкралось незнание того, что нужно делать, и страстное влечение к тому, чего нужно избегать, спутниками же их явились ошибка и скорбь; когда же чувствуют, что угрожает это двойное зло, то движение избегающего их духа называется страхом. Когда же дух достигает страстно им желаемого, хотя бы и пагубного или бесполезного, он, не чувствуя своего заблуждения, или побеждается нездоровым удовольствием, или даже предается тщетной радости. Из этих как бы

источников болезней и нужды проистекают все бедствия разумной природы.

ПРЕВОСХОДСТВО ДОБРА НАД ЗЛОМ

Добро превосходит зло до такой степени, что хотя зло и допускается для доказательства, что предусмотрительнейшая правда Божия может пользоваться и самым злом для добра, однако добро может существовать и без зла, как существует Сам Бог, Истинный и Высочайший, как существует над этим мрачным воздухом всякое видимое и невидимое небесное творение. Но зло без добра существовать не может, потому что природы, в которых оно существует, — добрые. И истребляется зло не через уничтожение какой-либо привходящей природы или известной её части, а через оздоровление и исправление природы испорченной и извращённой.

ДВЕ СИЛЫ В ЧЕЛОВЕКЕ

Две силы вложены в душу человека: одна — деятельная, другая — созерцательная. Первая сообщает движение, вторая позволяет постигать; первой действуют, чтобы очистить сердце для созерцания Бога, второй освобождаются и созерцают; первая — в предписаниях и законах этой временной жизни, вторая — в учении о жизни вечной.

Первая сила действует, вторая пребывает в покое, ибо первая проявляется в очищении грешников, а вторая — в просвещении очищенных; по той же причине в этой смертной жизни первая обнаруживается в делах доброго поведения, а вторая преимущественно в вере.

ОБРАЗ БОЖИЙ И ТЕЛО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Если Бог из земли создал и человека, и животных, то какое же чело-

век имеет над ними превосходство, как не то, что сотворён по образу Божию? Но таким он сотворён не по телу, а по разумному уму. Впрочем, и в самом своём теле он имеет некоторую указывающую на это особенность: он сотворён с поднятым кверху станом, а это должно внушать ему, что ему не следует тяготеть к земному, подобно животным, которые довольствуются только тем, что получают от земли, почему и наклонены к ней или вовсе ползают на брюхе.

Таким образом, и тело человека соответствует его разумной душе, но не очертаниями и формой своих частей, а тем, что оно поднято прямо к небу, для созерцания тех предметов, которые в видимом мире расположены высоко. Так и разумная душа должна направляться к тому, что в области духовных предметов наиболее возвышенно, дабы довольствоваться высшим, а не тем, что на земле (см. Кол. 3, 1–2).

ЛЮБОВЬ К БОГУ И БЛИЖНЕМУ

Всё Божественное учение направляется к любви, о которой апостол Павел говорит: *Цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры* (1 Тим. 1, 5). Итак, цель всякой заповеди есть любовь, то есть всякая заповедь направляется к любви. Если же или из страха наказания, или по какому-нибудь плотскому побуждению бывает так, что заповедь не направляется к той любви, которая *излилась в сердца наши Духом Святым* (Рим. 5, 5), то она не исполняется должным образом, хотя и может казаться, что исполняется. Любовь эта есть именно любовь к Богу и ближнему, и именно *на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки* (Мф. 22, 40). Возьми Евангелия, возьми послания апостолов — везде прочтёшь: *Цель же увещания есть любовь* (1 Тим. 1, 5), *и Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 16).

Следовательно, всё, что заповедует Бог, например: *Не прелюбодействуй* (Мф. 5, 27), и всё, что не повелевается, но предлагается в качестве совета, например: *Хорошо человеку не касаться женщины* (1 Кор. 7, 1), – всё это правильно исполняется тогда, когда направляется к любви к Богу и ближнему ради Бога и в этом веке, и в будущем; к Богу – теперь посредством веры, тогда посредством видения, и к ближнему – теперь посредством веры. Ибо мы, смертные, не знаем теперь сердца смертных, тогда же *Господь ...осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога* (1 Кор. 4, 5), потому что предмет похвалы и любви к ближним будет то, что освещается Самим Богом.

ПРЕМУДРОСТЬ БОЖИЯ

Премудрость Божия неизгладимо простирается от одного края вселенной до другого (см. Прем. 8, 1). Гос-

подъ, Верховный Художник, сочетал и расположил Свои творения в одно прекрасное целое. Его благость, начиная с высшего и оканчивая низшим, не ревнует никакой красоте, которая и может быть только от Него одного, так что самой Истиной не отвергается никто, кто сохраняет в себе хотя бы некоторые следы истины.

Неизменный Божественный Промысл прекрасно управляет нашей жизнью, наполненной трудами и борьбою, воздавая одно — побеждённым, другое — борющимся, третье — победителям, четвёртое — зрителям, пятое — достигшим покоя и созерцающим Бога, так как во всех них нет иного зла, кроме греха и наказания за грех, то есть добровольного уклонения от высшей сущности и невольного страдания в низшей, что иначе можно назвать свободой правды и рабством греха.

Христос есть Премудрость Божия, через Которую всё сотворено, и все умные силы, Ангелов ли или

людей, бывают мудры только в общении с Тем, с Которым мы соединяемся через Святого Духа, благодаря Которому в сердцах наших разливается любовь, и эта Троица есть Единый Бог. Для смертных существ, временная жизнь которых проходит в земных делах и всяческой суете, Божественным Промыслом было решено, чтобы эта Премудрость Божия стала Богочеловеком, дабы временно родиться, жить, умереть и воскреснуть, проповедуя и совершая то, что направлено к нашему спасению, претерпевая и страдая, и была бы для людей, пребывающих в земном мире, примером для восстановления их единства, а тем Ангелам, которые пребывают в небесном мире, примером постоянства.

Ведь если бы в природе разумной души не произошло чего-нибудь подобного, того, чего прежде не было, то она никогда не перешла бы от жизни нечестивой и неразумной к жизни мудрой и блаженной. А благодаря

этому, так как люди, способные к духовному созерцанию, видят вечные истины, а вера людей верующих нуждается в предметах, имеющих начало во времени, человек очищается верой в предметы временные, чтобы достигнуть истинного познания о вечном.

ПРОМЫСЛ БОЖИЙ

Сам Спаситель, говоря, что ни одна малая птица не падает на землю без воли Божией (см. Мф. 10, 29) и что траву полевую, через короткое время бросаемую в печь, Бог одевает так, *что и Соломон во всей славе своей не одевался так* (Мф. 6, 30), не убеждает ли нас в том, что Божественным Промыслом управляется не только вся эта область мира, предназначенная смертным и тленным предметам, но и самые ничтожные и последние её предметы?

И если бы люди, отрицающие это и не признающие никакого авторитета за Священным Писанием, в ок-

ружающем их мире, который они считают скорее предоставленным случайным изменениям, чем управляемым Божественной премудростью (и для подтверждения своей мысли приводят два доказательства — или непостоянство погоды, или незаслуженное счастье и несчастье людей), обратили внимание хотя бы на тот порядок, какой виден в строении любого животного, — то разве не заговорили бы они о том, что Бог, от Которого происходит всякий масштаб меры, всякое равенство чисел, всякий порядок веса, не прекращал Своего управления миром даже и на мгновение?

ГОСПОДЬ ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ

Могущество Творца, сила Вседержителя — причина существования всего творения; если бы эта сила перестала когда-нибудь управлять, вместе с тем перестало бы существовать и всё живое, и вся природа погибла бы, и даже камни распались бы, поте-

ряв внутренние связи. Когда архитектор, окончив здание, оставляет его, созданная им постройка продолжает существовать и без него. Не то с миром — он не мог бы остаться и на мгновение ока, если бы Бог лишил его Своего Промысла.

Поэтому и сказанное Господом: *Отец Мой доныне делает* (Ин. 5, 17) — указывает на некоторую продолжающуюся деятельность Бога Отца, которой поддерживается и управляется всё творение. Иначе можно было бы понять Его, если бы Он сказал: «И ныне делает», — в таком случае не было бы необходимости в словах Его разуместь продолжающейся деятельности; но иначе должны мы понимать Его, когда Он говорит: *доныне делает*, то есть делает с того времени, как создал всё.

Ясно, что Бог ни на один день не прекращал Своего промыслительного действия о мире; в противном случае мир мгновенно бы утратил своё естественное движение, при котором все

существа его сохраняют своё бытие и каждое из них, сообразно своему роду, остаётся тем, что оно есть. И всё мгновенно перестало бы существовать, если бы от мира отнято было то движение Премудрости Божией, которым Она управляет всё ко благу. Поэтому выражение, что *Бог почил от всех дел Своих, которые делал* (Быт. 2, 2), мы понимаем так, что Он не стал создавать больше ни одного нового творения, а не так, что перестал сохранять уже созданное и управлять им.

ЛЮБОВЬ БОЖИЯ

Где нет любви Божией, там царствует плотская похоть.

О ЛЮБВИ

Кто победит свои пороки, того не сможет победить никто другой. Ибо побеждается только тот, у кого противником отнимается то, что он лю-

бит. Следовательно, кто любит только то, что не может быть отнято, тот, несомненно, непобедим и уже не терзается никакой завистью. Ибо он любит нечто такое, что доставляет людям тем больше радости, чем больше они достигают любви к нему и обладания им. То есть он любит Бога всем сердцем, всей душой и всей мыслью, любит и ближнего, как самого себя (см. Мк. 12, 33). Поэтому он не завидует ближнему, а напротив, ещё и помогает ему, насколько может. Не может он и потерять своего ближнего, которого любит, как самого себя, так как и в себе самом он не то любит, что доступно глазу или каким-либо телесным чувствам. Поэтому он в себе самом имеет того, кого любит, как самого себя.

Закон же любви состоит в том, чтобы человек желал ближнему того же самого добра, какого желает и себе самому, и не желал ему того зла, какого не желает себе. Такое пожелание он должен выражать по отношению

ко всем людям, ибо никому не следует делать зла: *Любовь не делает ближнему зла* (Рим. 13, 10).

Будем же, как заповедано, любить даже и врагов своих, если хотим быть действительно непобедимыми. Ибо каждый человек непобедим не сам по себе, а благодаря тому неизменному закону, только служитель которого и бывает свободным, потому что у него уже не может быть отнято то, что он любит, а это обстоятельство и делает нас непобедимыми и совершенными. Ибо если бы человек любил человека не как самого себя, а как вьючный скот, или разноцветную певчую птичку, или приятное зрелище, то есть желая получать от него какое-нибудь временное удовольствие или выгоду, тогда он обязательно становился бы рабом, и рабом не человека, а — что гораздо постыднее — такого гнусного и отвратительного порока, вследствие которого не любил бы человека так, как должен быть любим человек. И под властью

этого порока он проводил бы свою жизнь до самого конца, до смерти...

РАЙ ТЕЛЕСНЫЙ И ДУХОВНЫЙ

Человек был в единстве с Богом, в раю телесном и вместе с тем духовном. Это не был только телесный рай ради телесных же благ, он был также и раем духовным для ума. Не был он и только духовным раем, которым человек наслаждался бы посредством внутренних чувств, не будучи в то же время и раем телесным, доступным внешним чувствам. Он был тем и другим для того и другого.

БОГОПОЧИТАНИЕ

Душа должна чтить только Бога, Который один — её Творец. Человека же, хотя бы мудрейшего и совершеннейшего, она должна только любить, подражать ему и отдавать ему приличествующее по заслугам и чину. Ибо

сказано: *Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи* (Втор. 6, 13). Родственным же душам, заблуждающимся и падающим, мы обязаны, насколько это возможно и заповедано, оказывать помощь, понимая и представляя дело так, что и это, когда делается хорошо, делается через нас Богом. Ничего из сделанного не должны мы считать своим, увлекаясь жаждой пустой славы: одного этого зла достаточно, чтобы низвергнуть нас с высоты в преисподнюю.

И ненавидеть мы должны не тех, кто подавлен пороками, а сами пороки, и не грешащих, а сами грехи. Ибо мы должны желать оказывать помощь всем, даже оскорбившим нас, оскорбляющим или вообще желающим оскорбить. Это истинная, это единственная религия. Способность примириться через неё с Богом – признак величия души, которое делает её достойной свободы, ибо освобождает от всего Господь, служить Которому в высшей степени полезно для

всех и в служении Которому заключается единственная свобода.

ДОБРО В ЧЕЛОВЕКЕ

Человек отнюдь не таков, чтобы, отступив от своего Творца, мог делать что-нибудь доброе как бы сам от себя. Вся добродетель его состоит в обращении к Богу, Который его сотворил и благодаря Которому он делается праведным, благочестивым и мудрым. И сделавшись таким, он не оставляется Богом, подобно тому как его излечивает и потом оставляет врач телесный, потому что телесный врач действует внешним образом, помогая натуре, внутренне действующей под властью Бога, устраивающего наше здравие действием Промысла.

Поэтому человек должен обращаться к Господу не так, чтобы, став праведным, мог отступить от Него, а так, чтобы Бог постоянно делал его праведным. Поэтому доколе человек не отступает от Бога, Бог Своим при-

существом оправдывает его, освящает и делает блаженным, то есть возделывает его и охраняет, господствуя над ним, как над послушным и покорным.

Итак, делает человека добрым и сохраняет его Бог, который неизменно благ. И мы должны постоянно быть добрыми и постоянно совершенствоваться, прилепляясь и пребывая обращёнными к Тому, о Ком говорится: *Мне благо приближаться к Богу!* (Пс. 72, 28) – и Кому сказано: *Я к Тебе прибегаю, ибо Бог – заступник мой* (Пс. 58, 10). Ибо мы Его творение не только потому, что мы люди, а и потому, что становимся добрыми. Так и апостол Павел, напоминая обратившимся от нечестия верующим о благодати, которой мы спасаемся, говорит: *Благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился. Ибо мы – Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять*

(Еф. 2, 8–10). И в другом месте, сказав: *Со страхом и трепетом совершайте своё спасение* (Флп. 2, 12), — он, чтобы мы не стали приписывать этого себе, как будто бы сами делаем себя праведными и добрыми, прибавляет: *Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению* (Флп. 2, 13).

Не тот человек по справедливости называется добрым, который знает, что такое добро, а тот, который любит.

ДЕЛА И ВЕРА

Некоторые верят, что те люди, которые не оставляют имени Христа, крестятся в Церкви Его крещением и не отступают от Него из-за какого-нибудь раскола или ереси, в каких бы преступлениях ни жили, не смывая их покаянием и не заглаживая милостыней, но весьма упорно пребывая в них до последнего дня этой жизни, спасутся через огонь; якобы можно

быть наказанным сообразно с величинной нечестия и пороков продолжительным огнём, но всё же не вечным. Но кто в это верит и, однако, остаётся православным, тот, мне кажется, обманывается каким-то безосновательным желанием блага, ибо Божественное Писание отвечает на вопрос иначе.

Спасает та вера, которую изобразил апостол Павел: *Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью* (Гал. 5, 6). Если же действует плохо, а не хорошо, я не сомневаюсь, согласно с апостолом Иаковом, что она *мертва сама по себе* (Иак. 2, 17). Он же говорит: *Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может эта вера спасти его?* (Иак. 2, 14). Если же нечестивый человек одной только верой спасётся через огонь и так должны быть понимаемы слова блаженного апостола Павла: *Сам же спасётся, но так, как бы из огня* (1 Кор. 3, 15), — то, следовательно,

вера будет в состоянии спасти без дел и ложно будет то, что сказал апостол Иаков. Ложно будет и то, что сказал сам же апостол Павел: *Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 9–10).

ЗЛО

Какой-либо природы зла не существует, а злом именуется утрата добра. Так называемое зло, будучи искажённым добром, надлежащим образом упорядоченное и расположенное на своём месте, сильнее оттеняет добро — для того, чтобы оно более привлекало внимания и от сравнения со злом приобретало бы большую ценность.

Что же иное называется злом, как не недостаток добра? Как в телах живых существ болезни и раны вы-

зывают только недостаток здоровья (и само лечение призвано не к тому, чтобы вошедшее в организм зло, то есть болезни и раны, перевести в какое-нибудь другое место, а чтобы истребить совсем), так существуют и различные виды повреждения души, бывает лишение её природного добра. При выздоровлении этот недостаток никуда не переносится, а просто исчезает, ибо если и может где-то быть, то только в самом здоровье.

ДВА АНГЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВА

Есть два ангельских общества: одно наслаждается Богом, другое кичится гордостью; одно — пылающее святой любовью к Богу, другое — курящееся нечистой любовью к собственному величию; первое из них, соответственно тому, как написано: *Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать* (Иак. 4, 6), обитает в высоте, на небе небес, а другое, низ-

вергнутое оттуда, мечется в низшем воздушном небе; первое в светлом благочестии наслаждается покоем, а второе волнуется мрачными страстями; первое по мановению Божию смиренно является на помощь и является праведное возмездие, а другое горит страстью поработать и вредить; первое — слуга Божией благодати, желающее служить, а другое обуздывается могуществом Божиим, чтобы не вредило настолько, насколько желает вредить; первое насмехается над вторым, ибо то против своей воли приносит людям пользу своими преследованиями, а последнее завидует первому, собирающему земных странников в отечество небесное.

РАЗЛИЧИЯ АНГЕЛОВ

Не следует сомневаться в том, что противоположные стремления добрых и злых ангелов произошли не от различия природы и происхождения, ибо тех и других сотворил Бог, благой

Творец и Создатель всех существ, а от их воли и желаний. В то время как одни постоянно пребывают в общем для всех Благе, которым является для них Сам Бог, в Его вечности, истине и любви, другие, более услаждаясь своей властью, как будто бы они сами для себя служат благом, уклонились от общего для всех Блага — Господа, дающего блаженство. Они, обладая тщеславной надменностью вместо высочайшей верности, пустым лукавством вместо несомненной истины, стремлением к разделению вместо нераздельной любви, сделались гордыми, лживыми и завистливыми. Таким образом, причиной блаженства первых является то, что они хранят преданность Богу. Из этого следует заключить о причине несчастий вторых, которая состоит в том, что они не преданы Богу.

Для разумного творения только Бог является тем Благом, через Которое оно бывает блаженным. Итак, хотя не всякое творение может быть

блаженным (ибо этого дара не получают звери, деревья, камни и прочее в этом же роде), однако то, которое может, не само по себе может, так как сотворено из ничего, а через Того, Кем сотворено. С достижением Его оно блаженно, с утратой Его — несчастно.

ПРИЧИНА ПАДЕНИЯ АНГЕЛОВ

Если искать причину бедственной участи злых ангелов, она на деле окажется тем, что, отворотившись от Того, Кто обладает высочайшим бытием, они обратились к самим себе, не имеющим высшего бытия. А как назвать этот порок, как не гордыней? *Ибо начало греха — гордость* (Сир. 10, 15). Они не захотели сохранить у Него силу свою (см. Пс. 58, 10), и вот вместо того чтобы в большей мере иметь бытие, если бы они были преданы Ему, они, предпочитая Ему себя, предпочли то, что обладает бытием в меньшей мере.

Вот что составляет первое умаление, первое оскудение и первый порок той природы, которая сотворена так, что хотя не имеет высочайшего бытия, однако для приобретения блаженства могла быть с Тем, Кто имеет высочайшее бытие. Отвратившись же от Него, она хотя и не превратилась в ничто, но стала иметь бытие в меньшей мере, из-за чего и сделалась несчастной.

ЖИЗНЬ ПО ЧЕЛОВЕКУ

Когда человек живет по человеку, а не по Богу, он подобен диаволу. Ибо и Ангелу надлежало жить не по Ангелу, а по Богу, чтобы устоять в истине и говорить истину от Бога, а не ложь от себя.

ПОРОЧНОСТЬ

Преступление — это порочное движение души, побуждающее к дей-

ствию, в котором душа утверждает себя дерзко и взбаламученно. Разврат — это необузданное желание, жадное к плотским утехам. Если разумная душа сама порочна, то жизнь пятнают заблуждения и ложные понятия.

ЗЛАЯ ВОЛЯ И ГОРДОСТЬ

Начало злой воли — гордость. А что такое гордость, как не стремление к превратному возвышению? Превратное же возвышение состоит в том, что душа, оставив Начало, к Которому должна прилепляться, пытается стать таким началом сама для себя. Это бывает, когда она начинает чрезмерно нравиться самой себе, уклоняясь от Бога — своего Блага, Которое ей должно нравиться больше, чем она сама. Уклонение же это — добровольное. Останься её воля твёрдой в любви к высочайшему и неизменному Благу — Богу, от Ко-

того она получила просвещение, чтобы видеть, и Которым согревалась, чтобы любить, — она не отвратилась бы от Него, чтобы любоваться собой, омрачаться и остывать. Ева тогда не поверила бы змию, а Адам не предпочёл бы предложение жены Божией воле.

ГОРДОСТЬ И САМООПРАВДАНИЕ

Хуже и достойнее осуждения та гордость, которая и в явных грехах ищет себе оправдания. Так вели себя и первые люди, когда Ева говорила: *Змей обольстил меня, и я ела*, — а Адам вторил ей: *Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел* (Быт. 3, 12–13). Разве это были просьбы о помиловании, мольбы об исцелении? Хотя они и не отрицали, как впоследствии Каин, того, что совершили, однако из гордости старались взвалить свою вину на другого. Но там, где очевидно нарушение Бо-

жественной заповеди, там уместно обвинение себя, а не извинение.

О ГОРДОСТИ И ЗАВИСТИ

Зависть следует из гордости, а не предшествует ей, так как не зависть – причина гордости, а гордость – причина зависти. Так как гордость есть любовь к собственному превосходству, а зависть – отвращение к чужому благополучию, ясно, что от чего рождается. Ибо вследствие любви к собственному превосходству каждый завидует или равным себе за то, что они ему равны, или низшим, чтобы они не были ему равными, или высшим, что сам им не равен. Итак, от гордости каждый бывает завистлив, а не от зависти – горд.

ПОХОТЬ И ЛЮБОВЬ

Похоть – общее название всех страстных желаний. Ибо и сам гнев, по определению древних, есть похоть

мщения. Правда, порой человек гневается и в таких случаях, когда мщение не имеет никакого смысла, например, гневается на плохо пишущее перо, ломая его от досады. Но и в этом видна похоть мщения, хотя и до крайности неразумная. Итак, есть похоть мщения, называемая гневом; есть похоть к деньгам, называемая жадностью; есть похоть любой ценой настоять на своём, называемая упрямством; есть похоть к самопревозношению, называемая хвастовством. Вообще есть много разных похотей, не все из которых даже имеют своё название.

Похоть уменьшается по мере возрастания любви до тех пор, пока любовь не дойдёт в этой жизни до такой высоты, больше которой уже ничего не может быть: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). Там же, где не будет никакой похоти, какова будет любовь, кто укажет? Ведь когда не будет никакого притязания со

стороны смерти, тогда будет высшее совершенство.

ПОХОТЬ МИРА

Как прекрасно сказано: *Всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего* (1 Ин. 2, 16). В этих словах обозначены три указанные страсти: похоть плоти означает поклонников низших удовольствий, похоть очей — любопытных, гордость житейская — гордых. Отсюда следует: человеку, которого восприняла Сама Истина, указано остерегаться тройного искушения. «Скажи, — говорит диавол-искуситель Христу, — чтобы камни сии сделались хлебами». Но этот единый и единственный Учитель отвечает: *Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4, 3,4). Так показал Он, что надо побеждать желание удовольствия, не поддаваться даже голоду!

Но тот, кто мог не поддаться похоти плоти, мог, пожалуй, быть уловлен тщеславным желанием временного господства, поэтому ему были показаны все царства мира и сказано было: *Всё это дам Тебе, если, нав, поклонишься мне*. На это ответом было: *Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи* (Мф. 4, 9–10). Так попрана была гордость!

Между тем пущена была в ход и последняя приманка любопытства, ибо броситься с вершины храма искушитель подстрекал не для чего иного, как для того, чтобы только сделать какое-нибудь испытание. Но Христос не был побеждён и дал такой ответ, который даёт нам понять, что для познания Бога нет надобности в попытках, имеющих целью вывести Божественное видимым образом: *Не искушай Господа Бога твоего* (Мф. 4, 7). Поэтому тот, кто внутренне питается словом Божиим, не ищет удовольствия в этой пустыне; тот, кто предан одному только Богу, не ищет тщесла-

вия на горе, то есть в земном перевозношении: тот, кто отдаётся вечному зрелищу неизменной Истины, не устремляет взор с этой вершины, чтобы познавать и низшее.

ПОХОТЬ ОЧЕЙ

Кроме плотского вожделения, требующего наслаждений и удовольствий для всех внешних чувств и губящего своих слуг, удаляя их от Бога, эти же самые внешние чувства внушают душе желание не наслаждаться в плоти, а исследовать с помощью плоти: это пустое и жадное любопытство рядится в одежду знания и науки. Оно состоит в стремлении знать, а так как из внешних чувств зрение даёт нам больше всего материала для познания, то это вожделение и называется в Писании «похотью очей» (см. 1 Ин. 2, 16).

Собственное назначение глаз — видеть, но мы пользуемся этим словом, говоря и о других чувствах, ког-

да с их помощью что-то узнаём. Мы ведь говорим не только «посмотри, что светится» — почувствовать это могут только глаза, — но и «посмотри, что звенит», «посмотри, какой в этом вкус», «посмотри, как это твёрдо». Поэтому всякое знание, доставляемое внешними чувствами, называется похотью очей; обязанность видеть — эту основную обязанность глаз — присваивают себе в переносном смысле и другие чувства, когда ими что-либо исследуется.

Тут очевиднее различаешь, что требуется внешним чувствам для наслаждения и что для любопытства. Наслаждение ищет красивого, звучного, сладкого, вкусного, мягкого, а любопытство даже противоположного — не для того чтобы подвергать себя мучениям, а из желания исследовать и знать. Можно ли наслаждаться видом растерзанного, внушающего ужас трупа? И, однако, если он где-то лежит, люди сбегутся попереживать, побледнеть от страха. Им

страшно увидеть это даже во сне, а смотреть наяву их словно кто-то принуждает, словно их гонит молва о чём-то прекрасном.

Так и с другими чувствами. Эта же болезнь любопытства заставляет показывать на зрелищах разные диковины. Отсюда и желание рыться в тайнах природы, нам недоступных; знание их не принесёт никакой пользы, но люди хотят узнать их, только чтобы узнать. Отсюда, в целях той же извращённой науки, ищут знания с помощью магии. Отсюда даже в религии желание испытать Бога: от Него требуют знамений и чудес не в целях спасения, а только чтобы увидеть их.

ВРАГИ БОЖИИ

Врагами Божиими называются в Святом Писании те, которые не по природе, а вследствие пороков противятся Его власти, не будучи в силах вредить Ему, но нанося вред себе. Они

враги по желанию сопротивления, а не по силе делать вред, потому что Бог неизменяем и нетленен. Поэтому порок, по которому противятся Богу те, которые называются Его врагами, составляет зло не для Бога, а для них самих. И это не по чему-либо другому, а только потому, что он портит в них природное благо. Таким образом, не природа враждебна Богу, а порок. Ибо то, что составляет зло, враждебно добру. А кто станет отрицать, что Бог есть высочайшее Благо?

Итак, порок враждебен Богу, как зло враждебно добру. Также и та природа, которую портит порок, есть добро, поэтому нет сомнения — он враждебен и этому добру. Но Богу он враждебен лишь как зло добру, а для природы, которую портит, он не только зло, но и вредное зло. Ибо никакое зло не может быть вредным для Бога, но оно вредно для природ изменяемых и тленных, но вместе с тем — добрых, как это доказывается присутствием самих пороков. Ибо не будь они

добрыми, им не могли бы вредить пороки. А в чём заключается вред, причиняемый им пороками, как не в том, что пороки отнимают у них чистоту, красоту, здоровье, добродетель и все те блага природы, которые обычно от порока исчезают или умаляются? Не будь их совсем, отнятием блага порок не наносил бы вреда и потому не был бы и пороком. Ибо порок не может не вредить. Отсюда следует, что хотя порок не может вредить неизменяемому Благу, однако он может вредить благу, потому что он бывает только там, где вредит.

ДОБРЫЕ ЛЮДИ И ЗЛЫЕ

Добрые люди для того пользуются миром, чтобы наслаждаться Богом; злые же, напротив, для того пользуются Богом, чтобы наслаждаться миром. Впрочем, так делают лишь те, которые верят, что Бог существует и заботится о делах челове-

ческих; а есть и гораздо худшие, которые и этому не верят.

СМИРЕНИЕ И ГОРДОСТЬ

Есть в смирении нечто такое, что удивительным образом возвышает сердце, и есть нечто в гордыне, что принижает сердце. Таким образом, смирение возвышает, а превозношение — тянет вниз, ибо смирение делает покорным высшему, то есть Богу, а превозношение, отпадая от высоты, принижает.

НАЧАЛО ПОКАЯНИЯ

Грешник должен винить за свой грех не кого-либо другого, а только себя. Это уже — начало спасительного покаяния, ибо не тогда кто-либо будет господствовать над грехом, когда возвысит его над собой, защищая, а когда подчинит его себе, раскаиваясь в нём. В противном же случае, явля-

ясь заступником греха, он будет служить ему, как господину.

ИСТИННАЯ СВОБОДА

С победой греха утеряна была и свобода, *ибо, кто кем побеждён, тот тому и раб* (2 Пет. 2, 19). Если это изречение апостола Петра справедливо, то какова, спрашиваю, может быть свобода раба, кроме свободы греха? Свободно служит тот, кто охотно исполняет волю своего господина. А потому кто раб греха, тот и свободен для того, чтобы грешить. Поэтому для делания правды он будет свободен только в том случае, если, освободившись от греха, станет рабом правды. Это и есть истинная свобода, так как правое дело совершается с радостью; это же, вместе с тем, и благоговейное рабство, так как сохраняется подчинение закону.

Мы становимся истинно свободными тогда, когда Бог создаёт нас, то есть образует и творит (не

так, чтобы мы стали людьми — это Он уже сделал, но чтобы мы были добрыми людьми — Он делает это теперь Своей благодатью), чтобы мы были новым творением во Христе Иисусе (см. Гал. 5, 16), сообразно чему сказано: *Сердце чистое сотвори во мне, Боже* (Пс. 50, 12).

МИЛОСТЫНЯ

Кто хочет давать милостыню в надлежащем порядке, тот должен начать с себя самого и прежде всего дать милостыню самому себе. Ибо милостыня есть дело милосердия, и весьма справедливо сказано: *Люби душу твою и утешай сердце твоё* (Сир. 30, 24). И возрождаемся мы для того, чтобы угождать Богу, Которому, по справедливости, не угодно то повреждение, что унаследовали мы с рождением.

Первая милостыня есть та, какую мы даём себе, потому что мы самих се-

бя нашли достойными сожаления по милости милосердного Бога, исповедуя праведный суд Его, по которому мы стали достойными жалости, и благодаря Его за великую любовь, о чём апостол Павел говорит: *Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были ещё грешниками* (Рим. 5, 8), чтобы и мы, правильно думая о нашем удобстве и любя Бога той любовью, какую Он Сам даровал нам, жили бы благочестиво и праведно.

Пусть не обманывают себя те, которые думают, что какими-нибудь весьма обильными милостынями от плодов земных или денег они покупают безнаказанность и потому могут оставаться в страшном нечестии и в дурных пороках, потому что они не только совершают их, но любят и всегда желали бы пребывать в них, если только могли бы оставаться безнаказанными. Любящие грех и неправду ненавидят свою душу, а кто ненави-

дит свою душу, тот не милостив к ней, а безжалостен. Ведь любя её для греха, он ненавидит её для Бога.

МИР

Мир тела есть упорядоченное расположение его частей. Мир души неразумной – упорядоченное успокоение позывов. Мир души разумной – упорядоченное согласие суждения и действия. Мир тела и души – упорядоченная жизнь и доброе состояние человека. Мир смертного человека и Бога – упорядоченное повиновение в вере под вечным законом. Мир людей – упорядоченное единодушие. Мир дома – упорядоченное относительно управления и повиновения согласие живущих в нём. Мир города – упорядоченное относительно управления и повиновения согласие граждан. Мир небесного града – самое упорядоченное и единодушнейшее общение в наслаждении Богом и взаимно в Боге. Мир всего – спокойствие порядка. Порядок – это

расположение равных и неравных вещей, дающее каждой её место.

Всякий мир, тела ли, или души, или вместе тела и души, направляет к тому миру, который установился у смертного человека с бессмертным Богом, чтобы быть в упорядоченном повиновении Ему в вере под вечным законом. А так как наставитель Бог учит двум главным заповедям – любви к Богу и любви к ближнему, то в этих двух заповедях человек находит три предмета для своей любви: Бога, себя самого и ближнего. И тот, кто любит Бога, не заблуждается в любви и к самому себе; естественно также, что он заботится, чтобы и ближний любил Бога, – ближний, которого ему повелевается любить, как самого себя.

ДОБРО БРАКА

Не от зла невоздержанности становится предосудительным добро брака, а, наоборот, от добра брака становится простительной и невоздержан-

ность, а потому то, что имеет брак доброго и от чего он — добро, ни в каком случае не может быть грехом. А добро это тройкое: вера, потомство и таинство. В вере соблюдается то, чтобы не вступали помимо брака в связь с иной или с иным; в потомстве — чтобы дети зачинались с любовью, кормились благодушно и религиозно воспитывались; в таинстве — чтобы брак не расторгался и чтобы разведённый или разведённая (виновники развода) не вступали в союз с другим лицом ради потомства.

Таково как бы брачное правило, которым или украшается естественная плодовитость, или сдерживается невоздержанная порочность.

ПРОЩЕНИЕ

Нет ничего большего, чем прощать всё, в чём кто-либо провинился перед нами, ибо менее важно быть благожелательным или даже благодетельным по отношению к тому, кто не сделал тебе никакого зла. Но явля-

ется признаком высочайшей благодати, когда ты любишь своего врага и тому, кто желает и при возможности делает тебе зло, ты всегда желаешь и, если можешь, делаешь добро, по слову Божию: *Любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас* (Мф. 5, 44). Но столь великое благо свойственно сынам Бога, и хотя каждый верующий обязан стремиться к этому и доводить свой дух молитвой к Богу и борьбой с самим собой до этого настроения, однако это не свойственно тому множеству людей, которые, как мы верим, бывают услышаны, когда говорят в молитве: *Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим* (Мф. 6, 12). Поэтому я не сомневаюсь, что слова этого торжественного обещания исполняются, если человек, хотя и не усовершенствовался настолько, чтобы любить врагов, однако, когда провинившийся перед ним человек просит

о прощении, прощает его, потому что и сам желает себе прощения.

Кто просит прощения у человека, перед которым провинился, тот, конечно, не должен ещё считаться врагом, таким, чтобы его трудно было любить, как трудно было любить, когда он строил козни. Тот же, кто не прощает от всего сердца раскаявшемуся в своём грехе и просящему прощения, пусть не питает надежды на прощение Господом его грехов, потому что Истина не может лгать. Кому не известно из Евангелия, Кто сказал: *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14, 6)? Он же, когда учил в беседе, эту мысль выразил сильнее: *Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 14–15). Кто не пробуждается от такого сильного грома, тот не спит, но умер; хотя этот гром в силах поднять даже мёртвых.

ДУШИ ПОЧИВШИХ

Души почивших получают облегчение по любви остающихся в живых родственников, когда за них приносятся жертва (на проскомидии) или совершаются милостыни в Церкви. Но эти жертвы и милостыни приносят пользу тем, которые при жизни заслужили то, чтобы они потом могли быть им полезны. Ибо бывает иногда образ жизни и не настолько хороший, чтобы человек не имел нужды в них после смерти, но и не настолько дурной, чтобы они не могли принести ему пользы после смерти; бывает же образ жизни настолько хороший, что человек не имеет в них надобности, и наоборот, настолько дурной, что они уже становятся недостаточными для оказания ему помощи, когда он уйдёт из этой жизни.

Поэтому здесь готовится начало будущей жизни, по которому человек будет в состоянии после кончины получить или облегчение, или

затруднение. Пусть же никто не надеется после ухода в иной мир получить у Бога то, о чём не позаботился здесь. Следовательно, то, что Церковь часто совершает для облегчения почивших, не противоречит изречению апостола Павла: *Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое* (2 Кор. 5, 10). Потому что и эту долю каждый приготовил себе, живя в теле, чтобы жертва и милостыня могли принести ему пользу. Ибо они не всем помогают, и почему же помогают не всем, как не по причине различия жизни, какую каждый провёл в теле?

УБИЙСТВО ЖИВОТНЫХ

Некоторые стараются распространить заповедь «не убивай» даже на животных, считая непозволительным убивать никого из них. Но в таком случае почему не распростра-

нять её и на травы, и на всё, что только питается и произрастает из земли? Ведь и этого рода предметы, хотя и не обладают чувствами, называются живыми, а потому могут умирать, следовательно, могут быть и убиты, коль скоро по отношению к ним применяется насилие. Поэтому апостол Павел говорит о семенах: *То, что ты сеешь, не оживёт, если не умрёт* (1 Кор. 15, 36).

Неужели же, слыша заповедь «не убивай», мы станем считать преступлением выкорчёвывание куста и согласимся с заблуждениями манихеев? Итак, если мы, отвергнув эти бредни, читая заповедь «не убивай», согласимся, что в ней идёт речь не о растениях, ибо ни одно из них не обладает чувствами, и не о неразумных животных, летающих, плавающих, ходящих или ползающих, ибо они не могут входить в общение с нами по разуму, который им не дано иметь наравне с нами, и поэтому их жизнь и смерть по правосуднейшему распоряжению

Творца служат нашей пользе, то заповедь «не убивай» остаётся понимать только в приложении к человеку: не убивай ни другого, ни самого себя.

РАДИ БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ

Хотя в земной жизни и бывают великие облегчения и врачевания через священные предметы и святых людей, однако и такие милости этим путём не всегда даются просящим, чтобы люди не ради этого стремились к религии, а ради будущей жизни, где не будет уже никакого зла. И если лучшим людям благодать помогает в несчастьях и в настоящей жизни, то с той только целью, чтобы они переносили их тем мужественнее, чем крепче их вера.

РАДОСТЬ ЗЕМНАЯ

Почему душа больше радуется возврату найденных любимых вещей,

чем постоянному обладанию ими? Это засвидетельствовано и в остальном, всюду найдутся свидетели, которые воскликнут: «Да, это так». Победитель-полководец справляет триумф; он не победил бы, если бы не сражался, и чем опаснее была война, тем радостнее триумф. Буря кидает пловцов и грозит кораблекрушением; бледные, все ждут смерти, но успокаиваются небо и море — и люди полны ликования, потому что были полны страха.

Близкий человек болен, его состояние сулит беду; все, желающие его выздоровления, скорбят душой; он поправляется, но ещё не может ходить так, как раньше, — и такая радость у всех, какой и не было, когда он разгуливал здоровый и сильный! И не только внезапные, против воли обрушившиеся бедствия заставляют почувствовать, как хороши жизненные блага: люди ищут наслаждения ими путём обдуманных и добровольных лишений.

Человек не будет наслаждаться едой и питьём, если не страдает от голода и жажды. Пьяницы едят солёное, чтобы разжечь жажду, и наслаждаются, угашая её питьём. Обручённую невесту принято не сразу отдавать из дома: жалким даром может показаться мужу та, о которой он не вздыхал долгое время, будучи женихом.

Так всегда с радостью: возникает ли она по гнусному и отвратительному поводу, или по дозволенному и законному, или в сердце самой чистой и честной дружбы – всегда большой радости предшествует ещё бóльшая скорбь. Почему это, Господи, Боже мой? Ведь Ты для Себя Сам – вечная Радость, и те, кто вокруг Тебя, всегда радуются о Тебе. Почему же в этой жизни чередуются ущерб и избыток, раздор и примирение? Или это закон для неё, и именно его Ты дал ей, когда справедливой мерой определил своё место и время и свою честь во всяком благе всему Своему творе-

нию — от небесных высот и до земных глубин, от начала и до конца времён, от Ангела и до червяка, от первого вздоха и до последнего...

Увы мне! Господи, как высок Ты на высотах и глубок в глубинах! Ты никуда не уходишь, но с трудом возвращаемся мы к Тебе.

ДУХОВНАЯ БИБЛИОТЕКА

НАЧАЛО ПОКАЯНИЯ

По творениям

БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА

епископа Иппонийского

Составлено по изданию:

Блаженный Августин Иппонийский.

Творения. М.: «Паломник», 1997.

Составитель: Чунтонов Д. С.

**Издательство: «Братство святого
апостола Иоанна Богослова»**

129327, Москва, ул. Коминтерна, д. 20/2

E-mail: bratstvo-ioanna@mail.ru

bratstvoioanna@gmail.com

Тел.: (495)730-57-17, (499)184-31-92

Подписано в печать 20.11.2012

Бумага офсетная. Формат 70х90/32

Печать офсетная. Печ. л. 2.

Тираж 5000 экз. Заказ № 650

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в Патриаршем издательско-полиграфическом центре

Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

141300, Московская область, г. Сергиев Посад,

Свято-Троицкая Сергиева Лавра.

издѣлѣніи книгобѣдѣ